

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ

Город Киев

14 февраля 1967 года

Допрос произведен в помещении Прокурора Украинской С С Р

Допрос начат в 12 час.00 мин.

Окончен в 15 час. 30 мин.

Прокурор отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности Прокуратуры УССР советник юстиции Макосевский с соблюдением ст.ст. 167 и 170 УПК УССР допросил в качестве свидетеля:

Трубакова Зяму Абрамовича, 1912 года рождения, уроженца с.Сурах Брянской области, еврея, гражданина СССР, образование 7 классов, беспартийного, работающего на фирме "Світанок", мастером цеха, со слов ранее не судимого, постоянное местожительство: город Киев, ул.Уманская, 25, кв.101.

Свидетелю Трубакову Зяме Абрамовичу сообщено, что он вызван по делу о расстрелах советских граждан в период временной немецкой оккупации г.Киева.

Разъяснено, что он обязан давать правдивые показания об известных ему обстоятельствах по делу и что отказ от дачи показаний и дача заведомо ложных показаний влечет за собой уголовную ответственность по ст.ст. 179 и 178 УК УССР.

По настоящему делу могу сообщить следующее:

До начала Отечественной войны я работал в г.Киеве на заводе № 225, где работал мастером цеха.

После эвакуации завода я остался в г.Киеве, который был затем оккупирован немецкими войсками и, таким образом, я остался проживать на оккупированной территории.

Проживая в г.Киеве, я вынашивал намерения связаться с партизанами, для чего через свою жену пытался установить связь с

партизанами, однако 3 февраля 1943 года я был у себя на квартире арестован украинскими полицейскими, одетыми в гражданскую форму и неизвестными для меня, после чего доставлен в гестапо, которое помещалось на Короленко 33, где содержался в камере № 17, которая специально предназначалась только для лиц еврейской национальности.

Будучи арестованным, меня обвиняли в принадлежности к партизанам и к еврейской национальности.

В гестапо меня уже не допрашивали, т.к. перед этим меня неоднократно допрашивали в полиции, которая помещалась на улице Короленко № 15, куда я был первоначально доставлен, будучи задержан украинскими полицейскими, а позже переведен в гестапо.

В гестапо я находился до 17 февраля 1943 года, а затем меня вместе с другими заключенными на машине-дугеубка, в которой находилось 50 человек, под охраной доставили в концлагерь гестапо на Сырце, начальником которого являлся фон Радомский, имя и отчество не знаю, носивший гестаповскую форму, кто он был по национальности я не знаю, но русским языком он не владел, возможно он был немцем, хотя фамилия и не немецкая.

Его заместителем был Ридер, по национальности немец, также ходил в гестаповской форме.

Был еще и другой немец - ротфюрер, но о нем мне больше ничего не известно, т.к. среди заключенных его звали по кличке "рыжий".

Переводчиком являлся некий Иван Рейн, который неотступно сопровождал все время Радомского.

Как "рыжий" так и переводчик также носили форму.

Вот в основном лица, которые возглавляли немецкую администрацию этого лагеря, а остальные как-то: бригадиры и сотники назначались немецкой администрацией из числа заключенных этого лагеря.

Обо всем этом я уже узнал позже, когда находился в этом лагере.

Непосильный труд, отсутствие должного питания, ежедневные издевательства и т.п. приводило к тому, что заключенные, которые находились в этом лагере, не выдерживали и 2-х месяцев и умирали.

Помимо того, имели место и массовые расстрелы заключенных, а также случаи расстрелов отдельных за малейшее неповиновение.

В этом лагере содержалось до 2-х с половиной тысяч заключенных, сколько было расстреляно и умерло я сказать не могу, но много.

Трупы погибших дворовая команда закапывала в "яме", которая находилась на этом же дворе недалеко от нашей землянки.

Расстрелами занимались полицейские по указанию Радомского — это имело место при массовых расстрелах, когда расстрелы производились — каждого третьего или пятого.

Хорошо помню, что за какое-то покушение якобы на командира гестапо в нашем лагере был произведен массовый расстрел заключенных.

Это было примерно в июле-августе 1943 года из выездной сотни каждого третьего положили лицом вниз и Радомский вместе с полицейскими стреляли им в затылок.

Это было в присутствии всех заключенных или как говорили перед строем.

В этот раз были расстреляны и футболисты Трусевич и Клименко.

Трусевич перед расстрелом встал и крикнул: "Да здравствует Советский Союз и советский спорт!", тогда Радомский подскочил к нему и разрядил в него целую обойму из своего пистолета.

Так погиб Трусевич, свидетелем чего я был лично.

Наиболее зверски с заключенными обращались Радомский и "Рыжий", для которых ничего не составляло убить человека.

Радомский, как правило, не покидал территорию лагеря, если не расстреляет 3-х заключенных.

Также зверски и жестоко обращались с заключенными Иван Мороз, Костя Бранцев, Подлесный и ряд других из числа бригадиров и сотников.

Для них тоже ничего не составляло убить заключенного и они это часто практиковали.

Старшим над бригадами и сотниками был Антон Прокопа, чех по национальности, который очень жестоко обращался с заключенными, подвергал их истязаниям и избиениям, а также по его указанию полицейские расстреливали заключенных.

Расстрелов и убийств заключенных было так много, что рассказать о всех просто невозможно.

Достаточно сказать, что если заключенный на работе или в другом месте упал от истощения или усталости, то его добивали, не давая возможности ему подняться.

Больные в "больницу" боялись попадать, т.к. оттуда уже никто не возвращался.

Везде в этом лагере царила смерть и поэтому заключенные между собой называли его "лагерем смерти".

В этом лагере я находился до 18 августа 1943 года, а затем в числе сотни, куда входили евреи, нерегистрированные коммунисты и партизаны, был направлен в Бабий Яр, где нас поместили в какую-то яму, имевшую выход с одной стороны, которая усиленно охранялась исключительно офицерами из войск "СС".

Затем один из офицеров на ломано-русском языке предложил выйти двум слесарям, а спустя предложил выйти еще 5 человекам, после чего каждые 10 минут вызывали еще по 5 человек, но никто из них не возвращался.

С 3-ей или 4-ой пятеркой вызвали и меня и я увидел, что лежит рельса, а два наших заключенных надевали цепи /кандалы/ на ноги.

Когда все мы были закованы, мы подумали, что готовится какое-то новое массовой уничтожение заключенных, но вскоре приехала машина, которая привезла множество лопат и заставили нас раздобыть лопаты.

Затем заставили нас рыть котлован и мы подумали, что яму роют для себя.

Эту яму копали до темна, после чего последовала команда "выходи", нас повели до заранее подготовленной землянки и куда нас затем загнали.

В течение 3-х суток мы копали яму и не знали, что мы делаем, затем докопались, как нам показалось до твердого грунта, но это оказались трупы, после чего часть заключенных повели на еврейское кладбище, откуда приносили надгробные плиты и железные ограды, а затем спланировав площадку 10x10 м и обложив в шахматном порядке плитами и оградами таким образом, чтобы получилось поддувало, после чего рядами укладывались дрова и трупы и обливались нефтью.

В такую печь укладывалось до 2-х - 2 1/2 тысяч трупов, поджигалось одновременно с 4-х сторон, вначале создавался большой дым, а затем горело без дыма, а снизу из-под поддувала текла черная густая масса, которая стекала в специально приспособленную яму, а затем закапывалась.

Уцелевшие кости заставляли нас размалывать и через решетку просеивать, после чего порошок рассеивался по близ лежащим огородам.

Меня с заключенным Рапопорт /погиб/ заставляли проверять трупы перед сжиганием на предмет извлечения золота и других драгоценных вещей.

Постепенно нашу команду стали увеличивать и довели до 320 человек в 2-х землянках.

В этой команде я находился до 28 сентября 1943 года, т.е. до побега.

За это время я был свидетелем сжигания примерно более 125 тысяч трупов, которые были ранее уничтожены, а нас заставляли откапывать и сжигать, о чем я уже рассказывал выше.

Пытаясь спастись из этого ада, заключенными был организован побег в ночь - 28 на 29 сентября 1943 г., организатором которого был Федор Ершов, в результате я и еще 15 человек спаслись, из коих в живых сейчас 8 человек - это Давыдов, Будник, Кукля, Берлянд, Островский, Каппер, Стежк, Иовенко и я.

Эти лица могут также рассказать о тех злодеяниях, которые творили немецкие оккупанты в г.Киеве во время Отечественной войны.

Руководил работой по сжиганию трупов немец по фамилии Толайде, которого заключенные называли инженером - по сжиганию трупов. Он также разработал специальные крючки по растаскиванию трупов, давал схемы для постройки печей, о которых я рассказывал ранее и т.п.

Был еще вахмейстер Негель, но фамилия ли это его я не знаю.

Больше кого-либо из лиц, причастных к сжиганию трупов в Бабьем Яру, которые были в то время как в охране, так и в руководстве по сжиганию из числа немцев я не знаю.

Записано с моих слов верно, мною прочитано, в чем и распи-
сываюсь.

Допросил: Прокурор отдела по надзору за следствием
в органах госбезопасности Прокуратуры УССР
советник юстиции

Макосевский

Подпись. Подлинник находится в наблюдательном производстве
которое хранится в Прокуратуре СССР.

Старший помощник Прокурора Украинской ССР
старший советник юстиции

В.И.Лесной

[Handwritten signature]